

Андрей Поляков

ПРЕСС-ТУР

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №

ШОРТ-ЛИСТ

ЛитРес:

Андрей Поляков

Пресс-тур

«Автор»

2020

Поляков А.

Пресс-тур / А. Поляков — «Автор», 2020

В недалеком будущем Россия расцветает благодаря открытию нового альтернативного источника энергии. Столичный пиарщик Павел отправляется с журналистами и блогерами в пресс-тур на Крайний Север, где они первыми увидят процесс добычи и переработки ценного полезного ископаемого. Гости еще не знают, что у внешне благополучного городка Краснополярска есть изнанка. Рабочая поездка с четким расписанием превратится в непредсказуемое соревнование на выживание. Группа столкнется с таинственной эпидемией, суровым холодом и фатальными последствиями человеческой жадности и жестокости. Выберется ли кто-то живым из кровавой ловушки? Кто виноват в произошедшем? И что это за роман — хоррор, сатира или объективный взгляд на нашу действительность? Содержит нецензурную брань.

© Поляков А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1. Новая нефть	9
Глава 2. Приглашение	15
Глава 3. Секреты	21
Глава 4. Рейс	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Поляков

Пресс-тур

«Фотореалистичный роман с ярким отточенным сюжетом, узнаваемыми характерами персонажей и уникальной атмосферой. Правильное сочетание переживаний, остроумия, юмора и циничности».
Александр Пахотенко, PR менеджер PlayStation Россия

«Как будто крутой сериал посмотрел. Идеально для экранизации».
Петр Исаков, сценарист

«Это не просто хоррор, а взгляд на Россию, пронизанный пониманием, болью и смыслом, выходящим за рамки основной сценарной линии. Это ирония и насмешка над миром бизнеса и больших денег. Это издевательский поклон современным медиа и индустрии, их окружающей».
Ольга Давыдова, эксперт по коммуникациям

История, которая поражает и пугает своей реальностью.
Это не просто хоррор про удивительную эпидемию. Это инструкция – «как избежать катастрофы».
Телеграм-канал «Книжный Лис»

Моей семье.

Пролог

[Особой важности]

Приложение № 6 к делу № КРПК/1

Полетный манифест рейса № #####

	ФИО	ГРАЖДАНСТВО	ПОЛ	ВОЗРАСТ
1	Орлов Павел Аркадьевич	РФ	М	31
2	Герман Кира Жакановна	РФ	Ж	18
3	Торшин Владимир Алексеевич	РФ	М	36
4	Смирнов Алексей Сергеевич	РФ	М	52
5		Бел.	Ж	20
6	Войтенко Максим Борисович	Укр.	М	67
7	Попов Антон Давидович	РФ	М	45
8	Варданян Эрик Степанович [ОТМЕНА]	Арм.	М	37

[Особой важности]

[Изъять]

Приложение № 7 к делу № КРПК/1

Расшифровка переговоров пилота рейса № #####

23:30:15–23:31:45

Пилот. Металлург, руление, добрый вечер. КС1 на стоянке, разрешите погоду и условия выхода на Краснополярк.

Диспетчер. Металлург, добрый вечер. На вылет пятая полоса, ветер сто десять градусов, семнадцать метров, видимость один километр, нижний край не определен, температура минус двадцать пять градусов, коэффициент сцепления ноль четыре. На вылет рассчитывайте пятую полосу. Разрешено согласно плану на Краснополярк, по курсу взлета набирайте семьсот метров.

Пилот. Информацию принял. Полоса в работе пятая. По прямой набираем семьсот. Дерьмовенькая погодка.

Диспетчер. Так точно.

Пилот. Разрешите буксировку и запуск.

Диспетчер. Буксировку разрешаю, запуск по готовности.

23:45:31–23:45:59

Пилот. Север-43, добрый вечер. КС1, вылет из Металлурга согласно плану, расчетное время прибытия двадцать минут, разрешите условия посадки.

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43, прием.

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43, прием?

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43, Краснополярк, там слышит кто-нибудь?

Диспетчер. ...

23:48:17–23:48:55

Пилот. Металлург, КС1, давно ли была связь с Север-43?

Диспетчер. КС1, пару часов назад.

Пилот. Металлург, не могу связаться. Неоднократно предпринимал попытки. Рекомендуемый порядок действий?

Диспетчер. КС1, продолжайте согласно плану, в этих погодных условиях возможны неполадки со связью, повторите на подлете.

23:54:21–23:54:30

Пилот. Север-43, добрый вечер, КС1.

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43?

Диспетчер. ...

23:59:31–23:59:42

Пилот. Металлург, КС1, по-прежнему нет связи с Север-43.

Диспетчер. ...

Пилот. Металлург?

Диспетчер. ...

Пилот. Металлург?!

* * *

Он очнулся, когда уже светало. Пульсирующая боль сдавливала виски, дышать было тяжело, что-то кололо в груди. Словно пьяный, осмотрелся по сторонам, пытаясь понять, где оказался. Обочина дороги, сугробы, безжизненные крючковатые ветви векового леса. И холод. Было нестерпимо холодно. Холодно и больно. Чуда не случилось, он находился все там же.

Человек аккуратно прикоснулся к окоченевшему носу дрожащей от напряжения рукой и стал растирать его медленными круговыми движениями. Еле шевелящиеся пальцы нащупали над губой ледяную корку запекшейся крови. В голове пронеслись воспоминания: нападение, безумная погоня... Дальше провал в памяти. Судя по тому, что за ним никто не вернулся, он – последний, кто остался в живых из всей группы.

Сил бороться уже не было, в голове промелькнула предательская мысль сдаться и уснуть в этих белоснежных сугробах. Человек упрямо отогнал ее. Не зря жизнь дала ему здесь столько шансов – надо встать и продолжать пытаться выжить. Вот только куда теперь идти? Назад, в город, или в аэропорт?

И там, и там подстерегала смерть.

Часть первая

Глава 1. Новая нефть

В шесть тридцать утра шахтера поднял мерзкий звук будильника на телефоне. Он сонно выглянул в окно – яркое солнце уже давно встало, как и всегда в этих краях летом, так что спать без плотно задернутых штор было невозможно, а просыпаться, без луча света, еще сложнее. Ему уже не терпелось уехать куда-нибудь на Большую землю, хватит с него безлюдного севера. Родом из Нижневартовска, он перебрался сюда три месяца назад с Наталкинского месторождения в Магадане, где проработал несколько лет. Там к нему и приклеилась кличка Семеныч.

Душ, кофе, недосоленная яичница. Через час к хрущевке подрулил новенький белый пазик, который каждый день отвозил Ивана Семеновича и его коллег на шахту. Из обшарпанных подъездов вываливались продиравшие глаза шахтеры, одетые в чистенькую форму – времена чумазных мужиков с отбойными молотками, которые он еще застал, почти канули в Лету, и большинство работ теперь выполнялось с использованием взрывчатки, породопогрузочных машин и рельсового транспорта.

– Здорова, – приветствовали мужики.

– Здорова, – затаился в последний раз едкой утренней сигаретой Семеныч и выкинул бычок в траву, пробившуюся в трещины в советской плитке ступенек.

Автобус заскакал по разбитой грунтовой дороге мимо заброшенных выцветших зданий с окнами, забитыми наискось грубыми досками, и первыми этажами, заросшими зеленью. В нескольких домах рассыпающиеся в труху деревянные двери были открыты, а в окнах виднелись дешевые тюлевые занавески – тут еще теплилась какая-то жизнь. У одного из подъездов лениво лежал облезлый дворовый кот и безразлично смотрел на проезжающий пазик. Несмотря на веселую летнюю погоду и чистое голубое небо, пейзаж за окном был донельзя депрессивный.

Через пару минут автобус свернул на недавно проложенное от аэродрома шоссе и понесся в сторону шахты. Остались лишь дорога и зеленое поле до самого горизонта, с редкими скалами, вонзающимися в небо. Вокруг, на сотни километров, сплошная природа: нетронутые древние леса и вода – стремительные реки, бездонные озера, ниточки жемчужных ручейков и подстерегающие незадачливого оленя или птицу болота. Иван приоткрыл окно – и лицо заласкал свежий ветер с ароматом лугового разнотравья. Ради таких моментов работу тут еще можно было терпеть.

На подъезде к КПП водитель, нарушая технику безопасности, обогнал возвращающийся с рудного отвала грузовик и радостно просигналил охране. Семеныч угрюмо матернулся под нос.

Год назад спутник засек в горах вблизи Краснополярска большие залежи полезных ископаемых – и среди них золото. Военный городок был расположен в такой дыре, что в советское время никому даже в голову не пришло вести здесь геологоразведку. Да и сейчас, спустя десятилетия, сюда никто бы не полез, если бы не сочетание двух факторов. Первый – наличие рядом заброшенного военного аэродрома с подходящей взлетно-посадочной полосой. Второй и главный – большие залежи золота, в котором сильно нуждалась страна после прошедшей пятилетки экономического спада.

Несмотря на наличие аэродрома, подготовка к старту разработки шахты была все равно нетривиальной задачей – грузовые самолеты совершили десятки рейсов для доставки строительных материалов, техники, бытовок, электрогенераторов, горючего и персонала. Для прожигания сотрудников была на скорую руку подремонтирована парочка заброшенных хруще-

вок военного городка. Компания сильно рисковала, вкладывая огромные деньги в одну только подготовку к разработке и добыче, но владелец был из уралмашевских и нередко ходил по краю, принимая бизнес-решения, да и показания спутника и начальные пробы на месторождении внушали оптимизм. Семеныч верил в успех предприятия – недавно они натолкнулись на богатую жилу и с энтузиазмом продолжали вгрызаться вглубь скалы.

Сегодня стояла задача пройти взрывным методом пару десятков метров – за ними, по прикидкам геологов, начинались самые богатые пласты руд. Сначала требовалось немного потрудиться «чернорабочим», тем, кто еще пользовался отбойными молотками, – подготовить скважины для взрывчатого вещества. Когда Иван спустился в шахту, оцепление уже было выставлено, знакомый по Магадану инженер-взрывник возился с детонаторами и шнурами, наготове стояла тележка с зарядами.

Через полчаса все отошли на безопасное расстояние и надели защитные наушники и очки. Грохот, взрыв, положенное время проветривания – и маркшейдер аккуратно двинулся вперед, светя по сторонам фонариком.

На полпути он остановился и присвистнул.

– Что за черт?!

– Что там у тебя? – крикнул напряженно глядящийся в темноту Семеныч.

– Поди сюда, мне кажется, у меня от газа крыша едет.

Семеныч медленно двинулся вперед. В паре десятков метров от него маркшейдер, встав на колени и опустив голову, что-то изучал. Шахтер напрягся, ноги пошли медленнее. Шаг, еще шаг. Дошел. Осмотрелся. Ничего необычного.

– Ну и чего ты тут копаешься?

– Посмотри, под нами что-то есть.

Иван припал к земле, инженер щелкнул выключателем фонаря на каске. Прямо перед ними зияло крохотное отверстие, откуда лился немного пугающий, неземной фиолетовый свет.

* * *

Алексей уныло осмотрел аудиторию. И на что он тратит свою жизнь? Им же пофиг все. Ладно, сейчас не время для руминаций. Он громко хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание первокурсников. На задних партах кое-кто проснулся и нехотя уставился на лектора.

– И вот так мы открыли нашу вторую нефть.

Эту лекцию он читал уже раз десять. Несмотря на непростую, отнимающую все время работу главного редактора «Российской промышленности», Алексей Смирнов не пропускал ни одного занятия в Научной долине МГУ, где в качестве приглашенного лектора читал курс «Новая экономика».

– Благодаря открытию росения и непопулярным, но назревшим экономическим и управленческим реформам, уже к концу двадцатых годов наша страна вышла из рецессии и началось «российское экономическое чудо». Ведь, как известно, именно в Краснополярске находится единственное разведанное месторождение этого полезного ископаемого. Нам несказанно повезло, впрочем, уже не в первый раз в нашей истории. Искали золото, а нашли еще более ценный клад.

Через несколько месяцев исследований стало ясно, что месторождение обеспечит энергией всю планету на сотни лет вперед. Наше руководство тогда пошло на рискованный ход, решив уничтожить рынок нефти по всему миру – и перевести планету на альтернативный источник энергии. Который, как планировалось, будет контролировать Россия.

Один из проснувшихся смуглых студентов перестал слушать и начал игриво перешептываться с соседкой. Та улыбалась и накручивала золотистый локон на палец. Смирнов опять замолчал, потом вышел из-за кафедры и приблизился к аудитории.

– Как вам рассказывала Светлана Николаевна на курсе современной отечественной истории, в тот год едва не дошло до войны, на Россию ополчилась половина стран мира. Все закончилось «Женевской энергетической хартией», регулирующей количество росения, который мы можем добывать, обрабатывать, использовать в наукоемком производстве и экспортировать. Таким образом рынки нефти и других энергоресурсов были спасены, хотя их потребление существенно снизилось. Все, что мы наблюдаем в последние годы: новые магазины, разворачивающиеся стройки, города на Дальнем Востоке, осуществляется во многом благодаря продаже росения, даже того ограниченного объема, что «Росальтэн» имеет право экспортировать.

– Алексей Сергеевич, а почему такой важный ресурс продает частная компания? – спросила студентка с первого ряда. Каждое занятие она пыталась задать какой-нибудь острый вопрос, подловить, что только умиляло лектора и давало надежду, что его деятельность хоть кому-то нужна.

– Ну как частная, – хмыкнул Алексей. – Неоспоримо, что государство сильно влияет на принимаемые решения. С севера город даже прикрывает отдельная армейская группировка, мощная база с десятками единиц военной техники и ракетами средней дальности. Но определенная независимость у компании действительно есть, месторождение они обнаружили, когда центральная власть была сильно ослаблена неблагоприятной экономической ситуацией.

Студентка начала прилежно конспектировать.

– Это можно не записывать. – Алексей рассмеялся, умилившись. – Так вот, росений добывается в месторождении близ Краснополярска, который был основан еще в советское время, после Великой Отечественной, как крохотный военный городок. Пара сотен защитников Родины жили там с семьями, охраняли северные рубежи, содержали аэродром. Потом, в девяностые годы, там почти все вымерло, в нулевые аэродром вообще хотели расформировать, но руки у Минобороны не дошли. В десятые годы, во время наращивания военного бюджета, Краснополярск начали возрождать в качестве военной базы, но быстро затормозили процесс из-за истощения денежных средств. Снова начался упадок.

А дальше пришла геологоразведка, об этом я вам только что поведал. В последние годы население Краснополярска разрослось до пяти тысяч человек. По российской классификации это не совсем город, скорее населенный пункт, но очень важный. Кто не знает, статус города присваивается при численности жителей от двенадцати тысяч человек.

Теперь Краснополярск представляет собой причудливую смесь из отремонтированных хрущевок с квартирами семей отставных военных и районов в стиле хай-тек, где живут сотрудники «Росальтэна». Если кто не догадался, это расшифровывается как «российская альтернативная энергетика», с названием в спешке после открытия товарищи не особо запаривались. Логотип вы все видели – фиолетовый ромб на белом фоне.

Компания отстроила большой завод первичной переработки, огромный аэропорт с пассажирскими и грузовыми терминалами, больше, чем в Крыму, «на вырост», новую больницу, отремонтировала по последнему слову техники старые детский сад и школу. Одним словом, город расцвел.

Алексей прочистил горло.

– Конечно, туда никак не доберешься – нет ни железной дороги, ни автомобильной, только самолетом можно долететь. И интернет, и связь вся идет через спутник, с лагами. Есть план по постройке скоростной железнодорожной ветки, но даже со всеми невероятными бюджетами компании это представляется ужасно затратным и бессмысленным проектом – на десятки и сотни километров в округе нет ни души, кроме упомянутой мной военной базы. Помимо этого, там еще и национальные парки повсюду. Просто по прямой дороге проложить нельзя, надо вести ее в обход, с большими поворотами и «крюками».

В общем, пока самолеты спокойно справляются с вывозом тех объемов росения, что «мировая общественность», – Алексей скривился, – позволила нам добывать. И, – он сделал

театральную паузу, а потом повысил голос, чтобы привлечь внимание, – скоро, если все сложится, я поеду туда в пресс-тур. Впервые за все время на завод и месторождение пустят журналистов. – Студенты с задних рядов наконец-то посмотрели на него с живым интересом. – Ждите мой репортаж на сайте «Роспрома», и я обязательно расскажу вам о своих впечатлениях лично на одном из занятий.

Прозвенел звонок. Смирнов вышел из главного здания МГУ и неторопливо побрел под кружащимися снежинками и нависающими с деревьев сугробами в сторону станции метро «Университет». Мимо проплыл фиолетовый московский автобус с двигателем на росении, о чем радостно сообщала надпись на борту. В голове снова заиграла шарманка с мыслями о том, на что он тратит свою жизнь.

С женой и детьми как-то не сложилось, зато к своим пятидесяти годам он многое повидал. Смирнов не раз жалел, что выбрал одну из древнейших профессий, особенно в ранние двадцатые, когда хороших новостей о российской промышленности было кот наплакал. Алексей неоднократно помышлял о том, чтобы бросить родное издание и журналистику, лет пять выживал за счет фуршетов на пресс-мероприятиях и перепродажи подарков редакции от различных компаний, но вскоре, после открытия росения, в жизни «Российской промышленности» и ее коллектива началась светлая полоса.

Портал получил крупный грант на развитие от государства, а «Росальтэн» стал крупнейшим спонсором и рекламодателем. Предыдущий главред был назначен генеральным директором издания и занимался теперь в основном вопросами финансов. Алексея же, за верность и былые заслуги, поставили во главе коллектива. Ситуация была идеальная – он почти не придрагивался к деньгам, в которых никогда ничего не понимал, зато ему была положена приличная зарплата и предоставлена максимальная творческая самостоятельность в формировании редакционной политики.

Слегка покусывать можно было даже рекламодателей – для поддержания репутации независимого и авторитетного издания. Пару раз в своих статьях Смирнов покритиковал сам «Альт» – к большому неудовольствию владельцев портала и генерального. В последний раз тот позвонил ему и устроил выволочку. Впрочем, в самом энергетическом гиганте никак не отреагировали.

А на прошлой неделе их пиарщик написал, что планируется первый в истории пресс-тур на шахту и завод, и пригласил к нему присоединиться. За свою карьеру Алексей был во множестве таких поездок и видел сотни предприятий – от умиравших рудников до возводящихся космодромов и ядерных реакторов. Но этот тур обещал быть одним из самых интересных и важных в его жизни, глоток свежего северного воздуха в каждодневной рутине, в которой он годами терял себя.

* * *

– Сынок, послушай, брось ты свою эту оппозиционную деятельность. Коммунизм уже лет сорок как похоронили.

– Не коммунизм, а анархизм.

– Не вижу разницы, все время у тебя на экране мужики с красными флагами, отнять и поделить. И вообще, у нас город крохотный, тобой заинтересуется служба безопасности «Альта». Если уже не заинтересовалась! И что мне делать, если с тобой беда случится?

– Мам, я...

– Ты знаешь, что они интернет фильтруют, наверняка читают, что ты пишешь, и...

– Я пользуюсь специальными программами, чтобы не читали.

– Тем более, вычислят тебя по твоим программам!

– Мам...

– Илюша, ты в принципе собираешься что-то со своей жизнью делать? На Большую землю ехать, учиться? Или так и проработаешь всю жизнь тут, в автомастерской? Тебе уже двадцать три!

– Как я тебя брошу?

– Я проживу, будешь навещать. Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? Брось свою политику, до добра не доведет!

Илья начал заводиться.

– Мама! Послушай меня! Я не понимаю, как можно не быть против того, что тут происходит. Помнишь, два года назад я в Екатеринбург ездил? Мишка мне рассказывал: все на Большой земле все знают, обсуждают грешки «Альта». Мутные схемы, уход от налогов, как они тут своих сотрудников деньгами осыпают, а остальному городу гроши платят. И это он даже не слышал про загрязнение рек, про заповедные леса, что они тут себе под дачи вырубают, про охоту на краснокнижных животных.

– Ну и какое отношение...

– Мама, какой сейчас год? Ты до сих пор в хрущевке живешь, когда по всей стране реновация, государство тебя бросило, «Альт» тебе никак не помог. Как мне не интересоваться политикой? А может, ты забыла про обвал?

– Это несчастный случай был, ты прекрасно знаешь сам. Благодаря им вся Россия держится. Ты помнишь, что тут десять лет назад было? Они больницу новую построили, школу отремонтировали, надбавка к пенсии мне от них большая. У тебя теперь работа есть, тут никаких частных автомобилей раньше и не было даже.

– Несчастный случай потому, что на безопасности шахты сэкономили. Мама, ты разговариваешь штампами из телевизора! Они нам кость бросают, чтоб люди не бунтовали. Живем в разваливающейся хрущевке на твою пенсию!

– Все так и есть, никаких штампов! Вырастешь – поймешь. – Мать перешла на повышенный тон: – Думаешь, я дура, не понимаю, что они не альтруисты?! Но без них, я не знаю, где бы мы сейчас были!

Илья взбесился, хватил кулаком по кухонному столу и стремям выбежал на улицу. Хотел набрать Денису, но передумал. От злости и нечего делать побрел к площади Ленина – посидеть на лавке. Пройти улицу из трехэтажных хрущевок, потом памятник вождю в окружении отремонтированных ДК, школы и детского сада, а за ними – новые районы, где и находилась автомастерская, в которой он подрабатывал.

Новые районы выглядели инопланетно: для сотрудников «Росальтэна» выстроили несколько десятков малоэтажных зданий в духе модных урбанистических тенденций – зелень на крышах, окна до пола, качественная дорогая отделка натуральными материалами; дворы были без машин, но с велодорожками для популярных тут летом электровелосипедов. Такие чудо-дома Илья видел лишь в интернете на фотографиях, и теперь, глядя на них каждый день, он особенно остро ощущал себя человеком второго сорта, застрявшим где-то на обочине жизни. Чтобы еще усилить ощущение сегрегации, жилая часть новых районов была отгорожена от остального города сплошной стеной с периметром безопасности. Чтобы никто не перепутал: за забором – бояре, снаружи – холопы.

Новые хозяева города и жизни реконструировали хрущевки, что находились вблизи от центральной площади, видимо, чтобы не портили вид, а на других, включая ту, где жил Илья с матерью, похоже, решили сэкономить. Их обещали расселить, но этого надо было ждать еще как минимум несколько лет, сейчас же комиссия признавала состояние зданий удовлетворительным, несмотря на текущие трубы шестидесятых годов и трещины в леденеющих зимой стенах.

«Пока мы живем в аварийных домах, они тут катаются на своих электровелосипедах», – с давно затаенной злостью подумал Илья.

Его детство выдалось тяжелым. Отец, отставной военный, обслуживавший аэродром, так и не смог вывезти семью на Большую землю. Умер он рано, и десятилетний Илья Демьянов остался вдвоем с матерью. Лет пять после похорон выдались особенно мучительными, мама безуспешно пыталась найти хоть какую-то подработку на погибающем аэродроме, а пенсии и надбавки за отца едва хватало на еду и свет.

К моменту открытия росения Краснополярк практически вымер – все, кто мог, уезжали к родственникам на юг, бросая квартиры вместе с пожитками. Сначала в городе сохранность чужих жилищ уважали, потом бедность заставила вскрывать соседские квартиры и пользоваться всем, что попадалось под руку. В конце концов самым ходовым товаром в Краснополярске стала водка.

Шестнадцатилетний Илья, один из семи учеников местной школы, от безнадёги уже подумывал наложить на себя руки, останавливало лишь экзистенциальное чувство вины перед матерью. Как вдруг в городе появились шахтеры, геологи, строители, за ними инженеры и менеджеры – и все вокруг пришло в движение, заработало, и Краснополярк стал оживать.

В чем-то мать была права – «Альт» действительно в тот момент спас их город и всю страну. Однако затем воодушевление от перспектив новой жизни сменилось разочарованием. В компанию практически невозможно было устроиться на нормальную работу – лишь на самые низовые должности, вроде поварихи в столовой или грузчика в аэропорту. Мать не взяли даже поварихой. Его тоже не взяли. Его лучший друг с трудом устроился на шахту и погиб при обвале. Лишь его школьного приятеля Серегу приняли на теплое местечко за великолепные компьютерные навыки – и сделали в своей пропаганде символом возможностей для остальных жителей города.

К двадцать первому дню рождения Илья скопил денег и сделал два подарка. Один – матери, новый телевизор. Второй – себе, купил билет до Екатеринбурга погостить у троюродного брата Михаила, с которым переписывался в соцсетях. Поездка стала судьбоносной – именно Мишка рассказал ему об анархизме, познакомил с местной ячейкой активистов и дал пару книжек в дорогу.

Глава 2. Приглашение

Лопаты с трудом вгрызались в промерзшую землю Введенского кладбища. Двое рабочих в спецовках закидывали гроб, еще видневшийся на дне ямы. Павел поддерживал мать под руку и пытался сдерживать слезы – из-за ледяного ветра они быстро застывали и превращались в сосульки на бороде и очках. Ветер залезал под пуховую куртку, пробирался за шарф и замораживал пальцы, несмотря на перчатки. Что-то уныло вещал поп, из-за старославянского понять, о чем он говорит, было невозможно: Паша и не слушал.

Здесь уже почти никого не хоронили, место можно было получить лишь на аукционе или по наследству. Старинное, «немецкое» кладбище, где со времен Петра I погребали неправославных христиан, поразило его особой, мрачно-торжественной атмосферой, едва он приблизился к поблекшей краснокирпичной готической ограде. Гроб к могиле несли под согнутыми весом лет кривыми деревьями, по аллеям, вдоль которых на каждом шагу были видны занесенные снегом скорбные статуи ангелов, изящные мраморные вазы с завитушками, непривычные надписи на латинице и даже часовни и семейные мавзолеи, насчитывающие не одну сотню лет.

Хоронили его дальнюю родственницу, милую женщину, которая нередко навещала его семью в детстве и всегда была к нему добра. Как-то раз она даже приезжала к ним на дачу и отогнала деревенских хулиганов, пытавшихся отобрать у маленького Паши велосипед. Она умерла в глубокой старости при полной ясности ума, так что это событие вызывало лишь светлую грусть, но Павел не мог сдержать рыданий. Этот год его добил.

Вибрация.

Сын. Его сын, о котором он мечтал и которого так ждал, был тяжело болен астмой. Дети у тридцатилетних в их время были аномалией, и когда ребенок появился на свет, Павел был на седьмом небе от счастья. Но длилось оно недолго. Вместо развивающих кружков, социализации с другими детьми, велосипедов, поездок с семьей на море родителей терзали бесконечные дорогостоящие походы к врачам, разговоры о здоровье, пачки лекарств, непрекращающееся мытье полов и уборка, слежение за достаточной влажностью воздуха в доме – и даже любимого британца Гришку пришлось отдать матери.

Вибрация.

Жена. Вероника, которую он так любил, стала совсем чужой. И без того ухудшившиеся после родов отношения с обнаружением болезни сына совсем потеряли радость. Общая беда их не сблизила, наоборот, они погрязли в ежедневных ссорах и скандалах. Он любил жену, жалел, старался понять, сердцем знал, что ей так же тяжело, как и ему, из-за болезни сына, и надо проявлять сострадание, но рассудок говорил, что так продолжаться не может.

Вибрация.

Родители. На старости лет дураки, прожившие лет тридцать вместе, решили развестись. Он даже не знал, как на это реагировать: кроме досады и глубокого недоумения никаких чувств не возникало. А еще ему очень не хватало теплых семейных вечеров, когда он, мать и отец сидели вместе у камина на даче. Когда они сообщили ему о своем решении, он подумал, что это розыгрыш. Но потом отец действительно съехал на отдельную квартиру и теперь, похоже, наслаждался жизнью холостяка, временами появляясь на публике с девушками, приходящими ровесницами Павлу. Это было неестественно и рушило всю картину Пашиного мироздания.

Вибрация.

В кармане вибрировало и вибрировало. Он зло выхватил телефон: клиент все писал про подготовку к пресс-туру.

* * *

Владимир сидел у окна и фальшиво играл на пианино. Эта покупка была его новой игрушкой; вообще, он приобрел инструмент для души, но уже подумывал задействовать в одном из своих будущих роликов: вместе они шикарно будут смотреться на фоне хромакея.

«Сделаю разгромный обзор – и в конце фальшивенько так сыграю какую-нибудь издевательскую мелодию, будет вишенка на торте и очередная неожиданная фишечка для подписчиков, может, даже завирусится», – подумал он.

Блогер высунул язык и сделал селфи на фоне пианино – это была еще одна его фишка, селфи с высунутым языком. Сначала такие фото вызывали у всех недоумение, потом бесили, затем его стали издевательски пародировать и передразнивать, всегда подчеркивая излишний вес, а когда его ролики стали набирать по миллиону просмотров, он обнаружил, что люди теперь так делают, стремясь ему подражать. Это лишь уверило его в правильности всех своих поступков.

Владимир оперся на новую трость с набалдашником, раскрашенным в цвета флага Ямайки, и поковылял на кухню варить кофе. В детстве он умудрился попасть в аварию на безлюдной сельской грунтовке: его на скутере сбила машина. Так что теперь он ощутимо прихрамывал на одну ногу. В результате с самых ранних лет Владимир привык ходить с тростью, которая стала еще одной его визитной карточкой. Тростей дома были десятки – он покупал их в России и за рубежом, привозил из пресс-туров, их дарили друзья и рекламодатели его блога, вручали на работе на дни рождения и присылали поклонники из разных уголков страны и бывшего СССР.

Проходя мимо окна, Владимир бросил взгляд на улицу – до горизонта простиралась ряды новостроек. К своим тридцати шести он наконец-то скопил на однушку в Новой Москве и теперь обладал пропиской в самом густонаселенном месте России.

Владимир TechKing Трошин был самым известным российским журналистом и блогером во всем, что касалось промышленности, сложных машин, гаджетов и IT-технологий. Начав с YouTube-канала «для своих», за несколько лет он стал звездой сначала российского ютуба, а потом и телевидения – его заметили и позвали работать на «Первый канал». За глаза в индустрии его называли «патриарх» – и ему это нравилось. Владимиру писали фанатки, его гневных отзывов боялись пиарщики, а заработкам завидовали все коллеги по цеху. К нему стояла очередь на месяцы вперед из компаний, желавших рассказать о своем новом заводе, станке или телефоне, – и отбирал он их крайне придирчиво, предупреждая рекламодателей, что даже коммерческий репортаж может быть разгромным. И все равно те несли деньги – засветиться у него значило рассказать о себе многомиллионной аудитории.

За годы работы он объездил нефтяные скважины, автопроизводства и полиграфические комбинаты, первым из России смотрел в Японии на новых роботов, бил для видео флагманские смартфоны ценой в пять зарплат обычного россиянина, но одна вершина оставалась все же непокоренной.

В последнее время его навязчивой идеей стало попасть на завод «Росальтэна». Он направил пару десятков запросов о посещении предприятия – и неизменно получал отказ. Журналисты и блогеры временами приезжали за свой счет в Краснополярск, но максимум, что им удалось, – снять проходную и пару раз пообщаться с сотрудниками завода. В городе внимательно мониторили, кто к ним прилетает, и некоторых журналистов оппозиционных СМИ без разговоров останавливали в аэропорту и сажали на обратный рейс.

Когда Трошин начал наливать воду в чайник, в другом конце комнаты раздался звонок. Он сначала решил не брать, но потом нехотя туда поковылял. На экране высветился Павел из

пресс-службы «Альта». Сердце подскочило в предвкушении: перед тем как взять трубку, он пару раз глубоко вздохнул и прочистил горло.

– Владимир, добрый день! Павел Орлов, пресс-служба «Росальтэна». Удобно говорить?

– Да, Паш. Занят, но минутка есть. По какому вопросу звоните? – Трошин старался отвечать как можно строже и по-деловому, не выдавая возбуждения.

– Владимир, рад вам сообщить, что скоро случится знаковое событие – мы наконец-то покажем завод прессе. Вы не раз писали запрос о посещении предприятия, и мы рады, что наконец-то можем вас пригласить. Скажите, вам интересно было бы поехать?

– Ох, подождите. Дайте в календарь загляну... Ну, если в мой график уложится, то можно попробовать.

– Отлично, я пришлю все детали в приглашении. Очень хотели бы вас видеть – как самого авторитетного журналиста в области высоких технологий. Скажите, вы планируете ехать в качестве ведущего своего блога или со съемочной группой от «Первого»? Их редактору не звонил, сразу вам.

– Я подумаю, как лучше. Все, Павел, не могу говорить, очень занят: съемки, высылайте приглашение. И я привык летать бизнес-классом.

– Спасибо большое, приложим максимум усилий, чтобы вам понравилось. Обязательно сообщите, если с вами будет съемочная группа, мы начинаем оформлять билеты. До скорого!

Пиарщик прекратил вылизывать жопу, и Владимир бросил трубку. После чего, опираясь на трость, аж подпрыгнул и ударил себя свободной рукой по пятке. Это будет эпичный репортаж, тысяч на пятьсот лайков, ради такого можно и с группой «Первого» поехать, вся страна посмотрит. И пусть только попробуют не дать ему лучшего оператора для такого сюжета!

А теперь скорее сделать об этом посты в соцсетях – пока другие журналисты, которых уже наверняка начали приглашать, не выложили эксклюзив первыми. Он подошел к ноутбуку, развернул на весь экран лого «Росальтэна» из гугл-картинок и сделал фото с высунутым языком.

* * *

Она никогда не любила пресс-туры.

– Можно поторопиться? Я не могу опаздывать, только с поезда. У меня очень напряженный график.

Кира Герман яростно перегоняла во рту жвачку: слева направо и обратно – в последние пару лет питерские пробки стали просто невыносимыми, а ей не хотелось терять пару миллионов из-за опоздания. Лезть в метро, впрочем, хотелось еще меньше.

– Девушка, ну а что вы хотите? – покосился в зеркало заднего вида пожилой интеллигентный таксист, какие еще остались только в Питере. Кира была немного старомодна в плане доверия к автономным такси и предпочитала терпеть водителей. – Опять становимся европейской столицей. Я вот коренной петербуржец и никогда такого не видел. Центр перенаселен, раньше сюда москвичи валили, потом регионы, а теперь европейцы прут, «почувствовать дух старой Европы», как они говорят. Сначала западные полезли, теперь и восточные. Скупают недвижимость целыми районами. Я иногда зайду куда-нибудь и возмущаюсь – ни слова порусски. Будем скоро, как при царице Екатерине и немцах, людьми второго сорта. Я думаю...

– Дядь, пожалуйста, давай молча поедем.

Таксист обиженно моргнул, замолчал, включил погромче классическую музыку и стал смотреть перед собой на еле ползущие машины. Кира ехала на открытие многострадального петербургского долгостроя – парка Тучков Буян. В интернете она прочла, что его заложили, когда ей было лет восемь, и домучили только сейчас, когда она уже стала совершеннолетней. Да она и не могла о нем слышать в детстве, семье еще тогда только предстояло перебраться в Россию из Казахстана.

Метиска: мать – из русских немцев, отец – казах с уйгурскими корнями. Благодаря яркой внешности Кира с детства была в центре внимания. К красоте, вызывавшей слюноотделение у большей части мужского пола, с возрастом добавились крепкий внутренний стержень и пробивной характер. Далеко не все на новом месте приняли их с сестрой с распростертыми объятиями – и если парни волочились, то многие девчонки открыто ненавидели, вплоть до рукоприкладства.

С такими данными путь в е-селебрити был обеспечен – и уже в шестнадцать она обладала солидным количеством онлайн-поклонников, а к восемнадцати стала собирать сотни тысяч просмотров. Ее сделал амбассадором модный стрит-фэшн бренд Kognee, а фирменную прическу – неровное рыжее каре с выбритым в районе виска треугольником, открывавшим татуировку с пандой, – глянцевого блога и журналы отметили среди актуальных трендов года.

Минут через двадцать Кира поняла, что может безбожно опоздать, и в районе Эрмитажа выскочила из машины, безнадежно застрявшей в пробке. Она побежала через Дворцовый и Биржевой мосты к Тучкову Буяну. По дороге сделала пару селфи с узнавшими ее, несмотря на шапку и очки, фанатками, записала десять голосовых сообщений друзьям и менеджеру по рекламе и ровно в назначенный срок оказалась на месте.

– Точность – вежливость королей. – Кинула она нервно поджидавшему ее на входе в парк сопровождающему из пресс-службы.

* * *

– Хэй-хэй, это Кира! – Девушка вела стрим, который смотрели больше двух сотен тысяч человек. Герман продемонстрировала в камеру телефона жест «виктори» и свой выбритый треугольник. – Сегодня вы не поверите, где я: в парке Тучков Буян, он наконец-то открылся, специально под Новый год. Я безумно рада такому подарку всем горожанам. Я очень долго ждала нового тусового места в моем любимом городе на Неве! Мы ждали, ждали – и вот завтра вход сюда будет свободным для всех, а сейчас я одна из первых гостей!

Минутой ранее вы видели, как закончил выступление Степан Сергеевич, мэр Петербурга. Надо сказать, что очень во многом открытие парка – его заслуга, так что, питерцы, кто меня смотрит, золотой человек ваш мэр! Берегите такого! Я сама примчала сюда по новой велодорожной сети, что была им запущена в прошлом году. Да, она работает даже зимой. Мы скоро перегоним по велодвижению Амстердам!

В общем, мне очень нравится, что происходит с городом. Итак, давайте посмотрим, что для нас придумали архитекторы и ландшафтные дизайнеры. И начнем с новой достопримечательности Петербурга – искусственного холма, с которого открывается вид на мегаполис. Уверена, вы захотите отсюда скатиться на ледяной горке. По-о-о-ехали!

* * *

Четырьмя часами позже она впервые за сутки вздохнула свободно. В районе небоскребов, выросшем вокруг Лахта-центра, было особенно приятно смотреть на закат, сидя в баре на крыше шестьдесят пятого этажа нового стеклянного офисного монстра. Бесконечный день подходил к концу. Развалившись, Кира любовалась необычно безоблачным питерским небом, потягивая кисло-сладкий «Брамбл». С соседней высотки бил в глаза яркий медиафасад с рекламой «Росальтэна». Завтра полдня на шопинг и друзей, забежать на кофе с сырниками в Бертольд-центр, а потом опять поезд, бесконечная череда съемок, модных показов, бессонных ночей в Китай-городе и вал сообщений от фанатов.

В кармане завибрировало. Герман извлекла телефон и разложила его вчетверо. Сидевший рядом на диване менеджер в костюмчике, стараясь не подавать виду, покосился: гибкие

экраны давным-давно перестали быть фантастикой, но оставались дорогой игрушкой. Высветилось сообщение:

«Кира, привет! Это Павел. Если помнишь, в прошлом году на регате пересекались, шампанское пили) Тут такая тема, думаю, ты слышала про «Росальтэн», скоро они в первый раз повезут людей показывать завод, хотят пригласить и тебя, поработать с продвинутой молодой аудиторией. Ты как на это смотришь? Думаю, это будет очень интересно твоим подписчикам, настоящий эксклюзив, там еще никто никогда не был».

«Привет! Интересно, но ты же знаешь, я в пресс-туры просто так не езжу. Теряю заработок. По деньгам-то чего?»

«Знаю, да) какие твои ожидания?»

Кира ухмыльнулась и убрала телефон. Надо немного помариновать, чтобы набить цену. День заканчивался чудесно. Она никогда не любила пресс-туры, но ради денег можно было и потерпеть.

* * *

– Парень, ты неправильно делаешь, – раздался голос за спиной. – Ноги до конца не доводишь, вес себе поставил слишком большой для твоего уровня физической подготовки.

Илья закатил глаза. Он терпеть не мог советчиков в качалке.

– Давай я тебе покажу, как надо?

Голос переместился за правое плечо. Демьянов поднял глаза, ожидая увидеть не отягощенного интеллектом тренажерного мачо. Но перед ним стоял поджарый мужчина средних лет, с умными глазами и холодным жестким взглядом, в простеньких шортах и футболке. На ногах – старые стоптанные кроссовки.

– Знаю, бесит, когда вот так подходят, как я. Но я все время делал ровно ту же ошибку, пока мне не показали.

Илья с сомнением доверился незнакомцу. Так он впервые встретился с Лосем. Мужчину звали Денис, но он почему-то не любил свое имя, всем представляясь кличкой, о происхождении которой не распространялся. Илья и не спрашивал, видя, что новый знакомый не любит говорить о прошлом. Приехал из Новосибирска, живет в городе уже несколько лет, работает охранником на аэродроме – вот и вся известная биография. Как-то в раздевалке Демьянов заметил у Лося несколько выцветших татуировок, явно тюремного происхождения, но тактично промолчал.

Постепенно они стали общаться больше, встречаясь в качалке пару раз в неделю. Лось показывал разные упражнения, помогал Илье нарастить мускулатуру; тот, в свою очередь, болтал с ним о машинах и высмеивал поп-клипы, что крутили по телевизору в тренажерном зале.

Жили они недалеко друг от друга. Летними вечерами Илья и Лось нередко выходили вдвоем из здания спортклуба на улице Победы и шли до перекрестка с улицей Летчиков. Там парень шел налево, в свою разваливающуюся хрущевку, в квартиру, где жил с матерью, а мужчина прямо – за строящейся на углу церковью и старым кладбищем, по дороге к старому военному аэродрому, располагалось общежитие для охраны и технического персонала нового городского аэропорта.

Демьянов стал иногда подкидывать Денису халтурку в автомастерской. Обычным охранникам аэропорта платили не очень много, поэтому тот был благодарен. Постепенно они узнавали друг друга все лучше, но о своем прошлом Лось все так же предпочитал не распространяться.

Денис представлял собой сплав грубой силы и природного ума: не сказать, что интеллектуал, но он был начитан, хорошо разбирался в технике, знал немного английский, а еще в разговорах с ним регулярно проскакивало презрение и ненависть к «Росальтэну».

Однажды теплым весенним вечером они незапланированно напились. Закончив ремонт очередной машины в одиннадцатом часу, Илья достал пару банок пива. Этим, предсказуемо, не ограничилось. Они пошли в магазин и купили еще, потом немного покутили в недавно открывшемся в новых районах баре, потом взяли еще по несколько банок с собой и отправились на одну из излюбленных у горожан достопримечательностей – Сухой холм.

Кто первым придумал это название, было неясно; впрочем, оно предельно хорошо описывало суть места. Минутах в двадцати ходьбы от города через лес, прямо посреди еловой чащи, возвышался холм, на котором ничего не росло, кроме травы – деревья его словно бы сторонились, и ни одного кустика не прижилось на его склонах. Поговаривали, что это природная аномалия, что собираются прилететь ученые из Москвы, впрочем, до этого пока не дошло.

Как бы то ни было, верхушка холма возвышалась над лесом и дарила прекрасный вид на ночное небо и засыпающий город. Сюда нередко приходили компании, здесь уединялись влюбленные парочки и просто одинокие романтики. В детстве Илья часто сбегал сюда в особо тяжелые моменты.

Когда приятели наконец вскарабкались на холм, то оба замерли, в который раз поразившись открывшейся картине. Пьяное состояние только усиливало эмоции, здесь человек словно поднимался к звездам и видел оттуда тьму бесконечных лесов и вереницу огоньков краснополярских домов.

– Красота, – протянул Денис, шлепаясь на склон и открывая банку.

Помолчали, разглядывая небосвод и город под ним.

– Лось, – попросил Илья, – а расскажи о себе. Ты же явно не охранником всю жизнь был.

Тот взглянул на Илью, потом куда-то под ноги. Достал сигареты, долго прикуривал, наконец затащил и подпер рукой голову.

– Это долгая история.

Демьянов терпеливо выжидал.

– Когда-то я был пилотом вертолета...

Лось говорил несколько часов, Илья слушал не перебивая. В прошлой жизни у Дениса были жена и хорошая работа – все до той аварии, в которой погиб крупный чиновник, а он чудом выжил, отделавшись парой царапин. Проблема была в техническом обслуживании, но на нем наживалось слишком много паразитов, поэтому крайним сделали Дениса. «Ошибка пилота», сказали в новостях. Его долго мучили в СИЗО, потом посадили в тюрьму. Жена не выдержала испытания и ушла. На зоне пришлось несладко, но он не сломался, не сдался и вышел по УДО через пять лет. Идти, впрочем, было некуда. Пилота-уголовника никто не хотел брать на работу, жить тоже было негде. Несколько бывших коллег, знавших, что он невиновен, собрали для него немного денег на съемную конуру, но с трудоустройством помочь не могли, как ни старались.

В тот момент в Краснополярске начались масштабные стройки, и когда возникла необходимость в большом штате пилотов, стали принимать всех подряд. Удача, казалось бы, наконец-то улыбнулась Лосю, и его взяли на работу в «Росальтэн». Два года он отлетал на грузовом вертолете, обеспечивая стройматериалами городские объекты.

А потом ударное строительство закончилось, и от пилота с уголовным прошлым поспешили избавиться, несмотря на его идеальную дисциплинированность и безошибочные полеты. Лишь по ходатайству прикипевшего к нему главы летного отряда Денису позволили остаться в городе в роли охранника аэропорта. Лось рассматривал новую должность как унижение и жил, опустив руки, без всяких перспектив на будущее и испытывая ненависть к компании, которая сначала дала ему надежду, а потом сама же ее и растоптала.

Когда Денис закончил рассказ, уже светало. За ночь они прикончили пачку сигарет. Илья пристально посмотрел на Лосю.

– Что ты слышал об анархизме? – спросил он.

Глава 3. Секреты

– Орлов, сколько у тебя человек-то едет? – спросил подошедший Константин, руководитель отдела. Он маячил за левым плечом Павла, заглядывая в открытый на мониторе «эксель» с неизменной ухмылочкой, с которой и хвалил, и ругал подчиненных.

– Да семь человек всего: четыре жура, съемочная группа «Первого» с течкингом и одна блогересса. Как обычно, какое-то говно, как будто папу римского привозишь. Сначала согласовали одну смету, мы начали бронировать, потом урезали на треть, дебилы, как будто у них денег нет. Пришлось отменять, вместо первого класса брать эконом, ресторан выбрать подешевле, номера нелюксовые. Подарки не понравились, три раза новые наборы предлагали. Потом дизайн приглашений. Потом на образец подарка брендинг криво нанесли. В общем, недели полторы уже трахаюсь с этим.

– А блогерка зачем?

– Ну, клиент захотел лайфстайлом разбавить скучных технических и деловых журов, чтобы рассказать о производстве юной аудитории миллионников. Работа с подрастающим поколением, так сказать. Вот смотри инсту. Все ясно, да? Восемнадцать лет, стримы, фен, латте, смузи, кроссовки. На кой хрен она нужна с внезапным постом про завод – непонятно. Тем более за деньги в тур везем, еще другим проболтается, что ей приплачивают за поездку.

– Симпатичная.

– Да, секси.

– Орлов, ты женат.

– Да женат, женат. Короче, остальные – «Российская промышленность», «Информатизация предприятий», «Вестник парламента РФ» и еще какой-то говносайт индустриальный, я забыл название.

– Дрим-тим просто. И на сколько?

– Стандартно, должны в три дня обернуться. В первый день вылетаем туда под вечер, часа два с небольшим от Москвы, потом пересадка, и еще полчаса. Ночью будем на месте, селимся, легкие закуски и выпивка в лаунже, если кто-то захочет. На второй день смотрим предприятие, шахту, прессуха, потом интервью, вечером алкоужин в ресторане с топами «Альта». На следующий день фоткаем красоты севера, обедаем, дарим подарки, немного свободного времени, и улетаем. Но, как понимаешь, клиент меня за это время изнасилует в реальной жизни и в мессенджерах, каждые пять минут будет вопрошать, все ли сыты-довольны, все ли нравится, а журналисты и блогерини по дефолту жизнью недовольны.

– Ты молодец, справишься. Говори, что всем довольны. Ну, удачи, не пропадай, пиши, что как проходит, блогерше привет. – Михаил ухмыльнулся, хлопнул Павла по плечу и направился по коридору оупен-спейса к рабочему месту.

TRC, или Top Russian Communicators (но так никто никогда не говорил), было одним из старейших российских пиар-агентств, и кого попало сюда не брали. Офис находился в самом начале Маросейки, на втором этаже бывшего здания ЦК ВЛКСМ. После кончины Союза конструктивистскую постройку с фундаментом особняка XIX века заплонили офисы коммерческих компаний, но владельцы здания не стали снимать в лобби большую табличку с профилем Ленина и воодушевляющими коммунистическими воззваниями. Для новых и новых поколений сотрудников агентства это сначала выглядело контркультурно, потом совково, потом иронично, потом постиронично, пока в конце концов профиль на входе не превратился просто в забавную историческую деталь, на которую многие даже не обращали внимания.

Павел же внимание обращал и думал, что, несмотря на суперсовременный ремонт в офисе, дух коммунизма неуловимо витал над бизнес-процессами их агентства в виде штурмовщины, добровольно-принудительных нерабочих заданий руководства и организованных самим

себе проблем. Впрочем, на жизнь он не жаловался. В TRC он работал второй год, а в пиаре – шестой. Платили тут неплохо, был какой-никакой соцпакет, что редкость для пиар-агентств, а его клиентом был великий и ужасный «Росальтэн», для которого он был выделенным менеджером. Это значило, что для «Альта» он делал все – от рассылок пресс-релизов в СМИ до пресс-туров и приготовления кофе на мероприятиях. Павел мог проснуться от звонка в пять утра или три ночи, мог быть вызван в бар в девять вечера по дороге домой к больному сыну – чтобы повздыхать с пиарщиком со стороны клиента о тяготах службы в корпорации. Его могли обругать ни за что в любой момент, а могли неожиданно похвалить. Работа была нервная, непредсказуемая и изнуряющая, но за такую позицию и такой опыт многие на рынке труда были готовы убить: потрудишься тут пару-тройку лет, сделаешь звездное резюме и уйдешь на сторону какого-нибудь «жирного» клиента поспокойней, с хорошей прибавкой к зарплате.

Вот только Павлу надо продержаться на этом месте еще год-полтора. А пока надо организовать пресс-тур на завод «Росальтэн», в святая святых новой российской экономики. До вояжа оставалось меньше недели, дел еще невпроворот, а клиент начинал нервничать: почему все до сих пор не готово. Ехать не хотелось совершенно – оставлять больного сына было невыносимо. Но это пресс-тур, простой пресс-тур, он таких уже десятки организовал.

«Наш девиз – трудиться всегда», – «молвил» с утра Ленин, и у Паши не было иного выбора, как согласиться. А потому лишь в десятом часу он вышел из офиса на занесенные снегом центральные улицы декабрьской Москвы.

– Скоро ра-а-а-свет, выхода-а-а не-е-ет! – завывал уличный музыкант в кишке подземного перехода на Лубянке, мрачно глядя Павлу в глаза.

Пиарщик раздраженно подумал, что нельзя тридцать лет мусолить одну и ту же песню, и спустился в метро.

* * *

– Друг, еще пинту «ипы». – Алексей показал официанту на пустой бокал.

Он сидел в английском пабе на Кузнецком мосту уже час, поджидая своего опаздывающего приятеля. На тарелке валялись обьедки фиш-энд-чипс: как всегда, в случае встреч с Рубеном он уже успел заказать еду, выпить и поесть, а тот еще не явился. Если б он так не хотел повидаться с этим засранцем, то можно было бы сейчас расплатиться и уйти. Сколько он прождал его за свою жизнь? Ну, неделя чистого времени точно наберется. Алексей пролистнул в телефоне новостную ленту: американцы представили новую ракету для полетов на Луну, в немецком городе взяли заложников в мечети, новый раунд переговоров по санкциям, на Ближнем Востоке продолжается война всех со всеми, а в московском зоопарке родился пингвиненок. Ничего нового, одно и то же. Смирнов снова проверил часы.

Рубена он знал уже лет двадцать. Если Алексей за всю карьеру сменил всего несколько издательств, то его приятель все время метался от одной редакции к другой, поработал во всех хоть сколько-нибудь значимых и известных информационных агентствах, новостных порталах и деловых изданиях страны – от государственных до резко оппозиционных.

В последние годы Рубен как-то сильно «полевел», ударился в ностальгию по СССР, который толком не застал, ходил на митинги и марши «красных», что не мешало ему и сейчас быть одновременно репортером и фотокорреспондентом для нескольких изданий радикально противоположного толка. Многие клеймили его политической проституткой, но Алексей слишком хорошо знал приятеля, чтобы осуждать и загонять в какие-то идеологические рамки. В первую очередь тот был профессионалом.

Дверь в паб открылась. Человек в предбаннике стряхнул с себя снег, потоптался и откинул капюшон – ну вот он, родной, наконец-то.

– Бра-а-а-тюня! Ну давай краба! – подлетел Рубен, и не думая извиняться за часовое опоздание. – Мужик, я с такого митинга сейчас, буквально за углом! Нас пытались как-то лениво разогнать, но столько народа пришло! Полно молодежи, красные флаги, у-у-ух!

Смирнов усмехнулся: он не разделял страсть приятеля к оппозиционной деятельности, к пятидесяти годам вся политика ему стала безразлична.

– Давай садись. Что пить будешь?

– Мне то же, что ему! – крикнул Рубен официанту. – Как у тебя дела?

– Ну, как обычно – хандра и размышления о жизни. Но вот в ближайшее время мне будет хорошо. Нет, мне будет охренительно – бомба инфоповод, хвастаюсь. «Росальтэн» тут собрался людей в пресс-тур везти.

– Да, я у шиткинга видел. И что, не томи? – Он резво забарабанил пальцами по столу.

– Да, Володенька едет. Но это хоть понятно, у них там, как я слышал, вообще странный состав группы, не знаю, по каким критериям пресс-служба отбирала. Может, вообще не по каким – агентство кого-то от балды накидало. Но не это важно, главное – позвали меня! – Алексей победно откинулся на спинку стула и отпил пива. – И это шанс надрать Торшину задницу.

– Мужик, завидую. Это интересно. Очень-очень интересно. – Рубен задумался, отхлебнул пиво так, что пена осталась и на усах, и на бороде. – А ты уже знаешь, когда точно вы летите?

* * *

– Ни за кем слезки не было? – Демьянов окинул взглядом собравшихся.

Они расположились на уединенной поляне в лесу, в часе ходьбы от города. За последний год он организовал анархистский кружок из четырех человек – помимо него туда вошли Лось и администратор Катя из автомастерской, повернутая на экотематике веганша, ненавидевшая «Альт» за отсутствие нормальной работы, дохлую рыбу в реках в районе завода и охоту на диких животных в качестве развлечения.

Последним к ним присоединился Серега, тот самый одноклассник, которого сделали жупелом пропаганды «Альта». С полгода назад его задвинули на вторые роли, когда присланного из Питера айтишного гения сделали начальником. Серега подозревал, что от него хотят потихоньку избавиться, и вспылал к «Росальтэну» черной ненавистью брошенной любовницы.

Разношерстную компанию объединяло неприятие энергетического гиганта во всех его проявлениях – от злости по поводу отсутствия нормальной работы и перспектив до обиды на руководство за вырубку лесов под коттеджи топ-менеджмента. Из-за отсутствия какой-либо политической альтернативы в городе Илья легко привлек этих троих на свою сторону и объяснил прелесть левых идей.

Демьянов был идеологическим и смысловым лидером, «мозгом» ячейки, Лось принял роль «мышц», отвечал за общую физическую подготовку и прилежно изучал теорию анархизма. Серега стал их компьютерным экспертом и лазутчиком в тылу врага, сливавшим полезную информацию, а Катя вела ненавязчивую просветительскую экологическую работу среди горожан. Сегодня была тридцатая встреча их кружка.

– Нет, никто не следил, – ответили Лось и Серега. Катя помотала головой.

– Сегодня, в наш юбилей, мы перейдем от теории к практике, – торжественно объявил Илья.

Он открыл черную сумку, стоявшую перед ним на земле, и медленно, давая рассмотреть, извлек несколько ножей и старенький пистолет.

– Откуда это у тебя? – Серега присвистнул.

– На старом аэродроме чего только не найдешь. Я там уже практически поселился, охрана целыми днями сериалы про ментов и разведчиков смотрит, ничего не замечает, американцы могут прилетать спокойно. Так вот что я хочу сказать: друзья, нельзя вечно чесать языками, пора переходить к прямым действиям. У меня есть план. Но для этого нужны подготовка, смелость и готовность пожертвовать собой. Пожертвовать не жизнью, конечно, но претерпеть лишения во имя борьбы. Как далеко вы готовы пойти, чтобы отомстить жирным котам с завода? – Вместо ответа все трое в растерянности уставились на своего вдохновителя, он продолжил: – Катя, все знают, как ты подрабатываешь. Всю жизнь хочешь этим заниматься? Серега, будешь ждать, когда совсем от тебя избавятся? Станешь смотреть, как тебя меняют на питерского мажорчика? Лось, тебе вообще сорок пять. Когда вместо тебя взяли московского, ты из пилота превратился в охранника. Ты как, доволен жизнью? У всех нас искорежены судьбы, и этому два виновника – капиталистическое государство и «Росальтэн», как продолжение политики этого государства. Я хочу ударить их в самое больное место. Вы со мной?

Недоверия в глазах поубавилось только у Лося: кажется, он вдохновился речью, которую Илья много раз репетировал перед зеркалом. Серега трусливо сжался на краю поваленного пенька, опустил глаза и не отвечал, а Катька смотрела с откровенным скептицизмом.

– Ну и какой у тебя план?

– Мне тут птичка с Большой земли донесла, что на завод в первый раз за все время пустят журналистов. Приедут сюда через несколько месяцев. Везут целую группу. Я считаю этот момент наиболее подходящим для атаки на «Альт». Как нам поведал Серега, связь города, аэропорта и завода с Большой землей осуществляется через один узел. Даже с военными через него общаются. Он же мониторит и фильтрует исходящий трафик. Там же – наше любимое городское телевидение с его пропагандой светлого будущего. Это, если не знаете, ближайшее к аэропорту здание с тарелкой и вышкой, сразу за лесом, что идет по краю нового жилого района.

– Пряма вся связь? – перебила Катя.

– Пряма вся. Они в компании и сами понимают: ненадежно всю связь через один узел направлять. Второй должны начать строить в следующем году, но сейчас – это их слабое место. Все у нас работает через этот узел – и обычные мобильники, и спутниковые телефоны, и интернет, и ТВ. И все можно через него отрубить. Естественно, там охрана. Для этого и оружие, будем тренироваться.

Он взял ветку и, под изумленными взглядами соратников, принялся что-то чертить на земле.

Спустя некоторое время Илья оглядел собравшихся.

– Вы со мной?

– Ты псих, но я с тобой. Лучше уж так, чем гнить тут охранником, – буркнул Лось.

Серега, прежде чем ответить, раз десять поправил очки и утер со лба пот.

– Илья, это сумасшедший и очень рискованный план. Я не готов. Какой из меня террорист-анархист? Я готов вас удаленно как-то поддержать, по компьютерной части. Наблюдение там попробовать отключить. Не готов пускаться ни в какие бега. Желаю вам удачи. Конечно, помогу чем смогу. Но это – не просите. Не готов.

Демьянов скривился.

– Всегда ты был трусоватым, Серега. Ну хоть так. Главное, держи язык за зубами. Передумаешь – время еще есть. А ты, Катька?

– Это просто какой-то бред, – начала на повышенных тонах Катя. – Какое оружие, какие заложники, ты себя слышишь? Мы тут с тобой природу хотели защищать, а не людей захватывать. Там обычная охрана сидит, Лось, ЧОП простой, мужики из Твери, из Орла. Такие же, как ты. Вас просто на входе пристрелят – и дело с концом. Скажи, что это дурацкий прикол такой?!

Илья помотал головой.

– Ты меня знаешь, я упертый. Если что-то решил, уже не отступлюсь.

– Тогда я уйду. Одно дело «Альту» поднасрать, другое – людей захватывать. Вас убьют, или других людей покалечите. Или в тюрьму сядете, на пожизненное. – Девушка вскочила. – И вообще, либо ты отказываешься от этого самоубийства, либо я пойду в полицию прямо сейчас.

– М-да, быстро ты готова мусорнуться. Ты же понимаешь, что мы не можем позволить тебе это сделать. Катя, прошу тебя, успокойся, – медленно сказал Илья, вдруг ожесточившись. Смотреть на него в этот момент стало страшно – щеки запылали от гнева, а глаза словно бы лишились белков и походили на две черные пуговицы.

– Ребята, давайте успокоимся, мы же можем договориться, – промямлил Серега.

Лось, подобравшись, наблюдал за всем со стороны.

Демьянов схватил девушку за руку.

– Отстань, урод, не трогай меня, – вырвалась та и пошла в сторону города.

– Катя, остановись! – Внезапно все увидели в руке Ильи пистолет.

Побледневший Серега взвизгнул от страха. Лось продолжал наблюдать. Катя побежала, Илья – за ней.

– Остановись, я выстрелю! – крикнул он.

Катя остановилась.

– Ну и что ты мне сделаешь, урод? Застрелишь? В заложники возьмешь? Давай, герой!

Она развернулась и уверенно зашагала вглубь леса. Раздался выстрел.

Когда все было кончено, Демьянов собрал оставшихся членов кружка. Лось мрачно курил. Бледный Серега тихо плакал.

– Надеюсь, вы теперь понимаете, что все мы соучастники... Один сдаст других – также сядет... Пути назад нет... Эта жертва не должна стать напрасной... Лось, давай начнем с обучения метанию ножа? – проговорил Илья.

* * *

– Александр Иванович, не спишь?

– О-о-о, привет-привет, давно тебя не слышал, Коля!

– Прости за поздний звонок. Как поживаешь?

– Помаленьку, ты ж знаешь, я уже человек немолодой.

– Да какой немолодой, тебе еще бегать и бегать! Жена как, дети?

– Ха-ха, ну спасибо, спасибо. Твоими молитвами. Жена хорошо, дети радуют, уже работают вовсю, уж внуки скоро. Тьфу-тьфу... вот по дереву постучал. Сам-то как?

– Спасибо, хорошо, кручусь, как обычно. Хорошо, скучать не приходится.

– Ты же мне не просто так позвонил, Коля?

– Да, есть вопрос. Линия защищена?

– Ну, – на том конце трубки хмыкнули, – насколько это возможно.

– Ты помнишь, с Матвейчевым дружил из Меда? Он теперь большой человек.

– Васька-то? Да, замминистра уже. Прихворнул, что ли?

– Нет, тут другое дело. Можешь его попросить прислать ко мне проверенную бригаду бойцов? У него такие есть, которые по полигонам всяким шастают и исследования проводят. Как-то по телевизору показывали, я смотрел. И чтоб язык все хорошо умели за зубами держать, но у них с этим должно быть все в порядке.

– У тебя какая-то дрянь в реки, что ли, утекла?

– Нет, тут все интересней. В общем, мы кое-что раскопали. Нечто новое. И я хочу, чтобы мы первые это изучили. Перспективы – дух захватывает. Денег – как с росения, если не больше. В общем, помоги, в необъятном долгу буду. Нужны, наверное, какие-то ученые, специалисты

по бактериям, зоолог, химик, биолог. Чтобы оборудование взяли современное самое, анализы там всякие проводить. Короче, которые обследуют и поймут, что мы нашли.

– Ты мне детали какие-то можешь рассказать? Что мне Матвеевичу-то говорить? На хрена тебе зоолог, Коля? Снежного человека поймал?

– Ха-ха, ну прости, Александр Иванович, больше ничего не могу сказать. И так уже много наговорил. Пожалуйста, попроси, ты же знаешь, я по пустым вопросам не звоню. Самолет им грузовой персонально пришлем, заплатим хорошо каждому, авансом. Матвеевичу, если чего надо, поможем. Кого куда пристроить, подсластить – все проси, не откажу. За мной не заржавеет.

– Пойди туда, не знаю куда, Коля. Ладно, сделаю что смогу. Отпишусь тебе. Ну все, пока, не хворай.

– Спасибо, я твой должник.

* * *

– Сладких снов, детка:*

Кира не ответила, отложила телефон и попыталась уснуть. Она чувствовала себя полной и бесповоротной мразью.

Герман до беспамьяства любила свою сестру Свету, несмотря на различия в их характерах и внешности. Кира – красавица, пробивная, независимая, звезда интернета. Света – тихая, полноватая, неуклюжая, затворница в очках, вечный аутсайдер, без друзей, с книжками и скрипкой.

Пока Свету не отдали в музыкалку, они ходили в одну обычную среднеобразовательную школу, и Кира не раз защищала сестру от издевательств одноклассников, за что та была ей безмерно благодарна. Кира пыталась тянуть ее наверх, как-то взбодрить, учила постоять за себя, но скоро сдалась – характер сестры просто не предполагал каких-то конфликтов с другими людьми. Когда они подросли, Кира пыталась научить ее стильно одеваться и краситься, но, казалось, Свете все это было безразлично, как и походы в магазины, тусовки и видео в социальных сетях.

Кира просто смирилась – страшенький нелюдимый медвежонок был все равно ее самым близким человеком. Девушки поверяли друг другу самое сокровенное, стащив бутылку вина, первый раз втайне от родителей попробовали алкоголь, разбив или сломав что-нибудь дома, прикрывали друг друга, в общем, были не только сестрами, но и лучшими подругами.

А теперь она предала свою сестру и лучшую подругу. Чувство вины и страсть смешивались в жгучий коктейль и не давали ей спокойно жить уже несколько месяцев. Все началось, когда Света пришла домой в каком-то возбужденном состоянии и попросила сестру пойти с ней на шопинг, маникюр и стрижку. Это было как удар грома – Кира сразу поняла, что в жизни Светы кто-то появился. Тогда у нее не было отбоя от бойфрендов, поэтому она даже не поинтересовалась, как выглядит новое увлечение Светы, просто похихикала над ней и помогла создать новый образ. Сестра вся расцвела, стала часто поздно приходить домой, приносила букеты и подарки, начала подолгу переписываться с кем-то. Кира только радовалась.

А потом появился он. Света привела домой в гости Александра, красавца-блондина с правильными чертами лица и смешливыми голубыми глазами, веселого, умного, образованного, победителя различных музыкальных соревнований, настоящего бойца и лидера. И Кира, легкая на новые чувства, втюрилась в парня Светы с первого взгляда. Она просто не понимала, как он мог обратить внимание на ее сестру, особенно такую, какой она была раньше. Теперь Кира начала испытывать к Свете чувства, которых даже представить себе не могла, – зависть, ревность, злость. Каждый раз, когда она знала, что встретит Сашу, сама одевалась, как на сви-

дание, обдумывала, как появится перед ним, что скажет. Сестра инстинктивно считывала происходящие перемены, между ними появилась недосказанность, они стали меньше общаться.

Постепенно и Саша стал обращать на Киру внимание. После очередной домашней посиделки, когда парень особенно долго хвалил кулинарный талант Киры, Света впервые в жизни устроила ей скандал и запретила общаться со своим любимым. Кира сделала вид, что подчинилась.

А вчера Кира и Саша случайно встретились на вечеринке у общих знакомых. Сначала просто разговорились, смеялись над какими-то шутками, она рассказывала о своей жизни интернет-звезды, они долго обсуждали новое кино. Потом, после пары бокалов шампанского, у нее снесло крышу, и она сама полезла к нему целоваться. Девушка вернулась домой только под утро. Усталая мать сердито сказала, что неплохо бы дать ей ремня, а Света с утра смотрела с подозрением.

С тех пор Саша принялся ей писать.

«Принцесса, не будь такой неприступной!» – пришло новое сообщение.

– Ты просто тварь, Кира, – повторяла она шепотом, пытаясь уснуть и надеясь, что грядущая поездка все исправит.

* * *

«Новый поворот в громком деле о пропаже Екатерины Васильевой. Похоже, что полиция подозревает в причастности к исчезновению девушки ее бывшего возлюбленного. Сегодня молодой человек был доставлен в отдел МВД № 1 по Краснополярску для допроса, где пробыл более трех часов. На выходе он заявил нашему корреспонденту, что уже год не общался с Екатериной и не понимает действий полиции. Давайте посмотрим эти кадры...»

Семеныч хлопнул крышкой ноутбука, отставил чай с лимоном и имбирем, вышел на балкон подышать. Дом стоял на холме, и с четвертого этажа открывалась панорама всего укутанного снегом Краснополярска. За забором жилого района начинался новый квартал – тут, среди прочего, располагались администрация города, магазины, несколько баров и ресторанов, автомастерская, куда он пару раз привозил свой джип. Дальше, вниз по дороге, стояли здания больницы и гостиницы, а за ними находился центр города с недавно установленной новогодней елкой.

Вдалеке виднелись старенькие хрущевки, в одной из них он квартировал до недавнего времени. Оттуда вела дорога направо, к старому военному аэродрому, куда они прилетели, когда только начали разрабатывать шахту. Где-то слева был новый аэропорт, от него мимо города шло шоссе в несколько полос, в сторону завода и шахты. Несмотря на ранний субботний час, на улице уже было хмуро. Еще два-три часа, и начнет темнеть.

Пять лет назад, заглянув в маленькое отверстие среди обломков скалы и только что осевшей от взрыва пыли, он вытянул билет в новую жизнь. Условия предложили такие выгодные, что в Краснополярске пришлось задержаться, хотя север уже сидел у него в печенках. Всю жизнь он практически ничего не видел, кроме шахт и холодных задниц Родины. Поэтому последние годы каждый отпуск использовал, чтобы удрать на Большую землю: наслаждался масштабами и толкотней Москвы, катался по каналам Петербурга, побывал у соседей в Минске и Польше, доехал на арендованной тачке до Праги. Еще год-два вкалывания здесь – и он сможет позволить себе никогда больше не работать.

Уедет куда потеплее – в Новороссийск, Анапу или, может, даже в Сочи, купит себе дом, вложится в какой-нибудь бизнес типа ресторана или салона красоты. И больше никаких затяжных зим, снегопадов, ранних сумерек и шахт! Найдет себе бабу, которая полюбит его за характер и основательность, а не за внешность, заведет сына. Вырастит и воспитает настоящего мужика. Можно и дочку, но с ними мороки много. Как получится.

От размышлений Семеныча оторвал звук сирены, доносившийся со стороны аэропорта. Он стал всматриваться в дорогу и вскоре увидел необычную кавалькаду, двигавшуюся в сторону завода. Спереди – полицейская машина с включенными проблесковыми, за ней и в хвосте – пара альтовских иссиня-черных джипов. Третьей ехала странная «скорая». Семеныч прищурился, на борту читались четыре буквы: «Ф М Б А».

«Странно, – подумал он, – «скорую» самолетом пригнали. Какой-нибудь топ-менеджер помирает, что ли?»

Бычок полетел вниз. Пора собираться, чтобы успеть по делам до темноты.

Глава 4. Рейс

Паша приехал в Шереметьево за час до всех остальных и стал терпеливо дожидаться других участников пресс-тура в кофейне перед зоной регистрации.

Первым заявился Алексей Смирнов из «Российской промышленности». Курносый, с легкой сединой и наметившейся лысиной. Укутан, как на Северный полюс. Впрочем, почти туда они и летят.

– Здравствуйте, Павел, давно не виделись.

– Очень рад вас видеть, Алексей, наконец-то куда-то вместе выберемся, а то все по почте общаемся.

– Слышал, шиткинг едет. Павел, вы же знаете, какие у нас отношения? Только из-за инфоповода сел с ним в одном поле срать, так сказать. Другие компании нас вдвоем не зовут.

Паша хихикнул.

– Понимаете, клиент очень хотел видеть вас обоих. Я ему говорил, как вы друг к другу относитесь. Но тут такой эксклюзив, я надеюсь, вы его сможете потерпеть. Ваши места в самолете далеко, автобус большой, сможете отсесть. В ресторане, если надо, я между вами сяду стеной. У вас обоих равное время на пресс-подходы, не уведет он в этот раз ваш эксклюзив.

– Павел, очень на вас рассчитываю.

Кира Герман появилась стильно: легкой походкой, в распахнутой норковой шубке и кроссовках Kornee – Паша даже засмотрелся на мелкую выпендрежницу. В ответ на приветствие звезда промолчала и показала жест «виктори».

– Че, какая программа? Я не успела посмотреть.

– Кир, давай еще раз тебе скину. Летим с пересадкой, смотри не забудь сесть на второй самолет! И у тебя, кроме кроссовок, что-то теплее есть? Там под минус сорок бывает.

Кира уже его не слушала и переписывалась с кем-то в телефоне. Он попытался спросить ее, как дела, вспомнить ту регату и похвалить новый ролик (вчера он зачем-то зашел к ней на канал), но Герман была увлечена мессенджерами.

Почти одновременно подошли журналисты из «Информатизации предприятий» и «Вестника парламента РФ».

От первого портала был давно знакомый Павлу совсем уже седой дед Михаил Борисович, которого интересовали только станки и компьютеры. Настоящая старая школа, пишет длинную, вдумчивую и глубокую аналитику для трех с половиной поклонников, которые понимают, о чем она.

От государственного СМИ, вопреки ожиданиям, наоборот, решили отправить совсем молоденькую блондинистую хамоватую дамочку, очевидно, устроенную кем-то на такой ответственный пост по протекции. И по телефону, и на фотке в паспорте она казалась молодой, при личной же встрече оказалась чуть ли не ровесницей Кире. Собралась, как на горнолыжный курорт – лыжные ботинки, очки, гигантская гламурная сумка.

– Олеся, – выпалила она без приветствия и протянула правую руку ладонью вниз. – Ну ты меня наверняка знаешь по моим репортажам.

Паша понятия не имел – несмотря на ежедневный мониторинг и чтение статей «Вестника».

За ними пожаловал какой-то полоумный мужичок из маленького издания, которое почему-то пожелал видеть «Росальтэн» и название которого Орлов все никак не мог запомнить. Тот сразу рассыпался в комплиментах, сунул бумажную визитку, подарил бумажный календарь (Павлу понадобилось все его самообладание, чтобы не заржать) и начал рассказывать про то, как выгодно у них размещать рекламу. Орлов от него еле отбил, благо появился повод – Владимир TechKing Торшин, который ехал с оператором от «Первого», прилично опаздывал.

Все были в сборе, кроме этих двоих. Народ начал нетерпеливо пританцовывать и поглядывать на часы. Верный знак, что пора выдвигаться. Паша пару раз набрал номер Владимира – абонент был недоступен. Вздохнув, он повел группу на паспортный контроль. Алексей явно повеселел от такого развития событий.

* * *

После затянувшейся процедуры Павел предложил зайти в бар – до рейса оставалось больше часа. Все отказались, к его изумлению, – обычно в турах журналисты начинали накачивать уже с утра. Девушки отправились по магазинам в дьюти-фри, Алексей уселся читать новый хоррор Стивена Кинга, Михаил Борисович дописывал очередную аналитическую статью. Странный мужичок помялся и тоже отказался – Паша подумал, что у того просто нет лишних денег.

Пиарщик пожал плечами и отправился в бар в одиночестве, где заказал пинту Гиннеса. От этого пива в умеренных количествах он почти не пьянел, но расслаблялся в поездках и даже иногда мог заснуть в самолете. Типично для аэропорта, пиво было дорожее и разбавленное, но и так сойдет. Сейчас нужно немного передохнуть. Если Владимир не доберется до аэропорта, клиент будет очень разочарован, и Павел начинал из-за этого сильно нервничать. А чувство тревоги и так не покидало его в последнее время – от болезни сына и волнений матери по этому поводу, от утомительной работы и бесконечных ссор с женой.

Он поругался с ней этим самым утром и опять по какой-то идиотской причине. Успел только поцеловать сына перед дорогой. В круговерти скандалов уже давно забылось, кто был прав, кто виноват, он подозревал, что виноватых не было – с возрастом и после восьми лет совместной жизни обоим стало понятно, что они просто слишком различаются характерами, оба слишком неуступчивые, не понимают интересов и чаяний друг друга, вроде бы любят, но все видят по-разному и хотят друг от друга того, что не могут дать.

Паша отхлебнул пива и вздохнул – нелегко улыбаться и делать вид, что все нормально. А лететь на Крайний Север, еще не остыв после ссоры, и несколько дней работать там с неприятными людьми, когда на душе скребут кошки? А оставлять сына, хотя позавчера у него был сильный приступ? Дурацкий тур! И еще пропавший Торшин.

Раздался звонок телефона.

«О, вот и оно», – подумал пиарщик.

Владимир сбивающимся от спешки голосом сообщил, что встал в пробке, но должен непременно успеть, а вот оператор безнадежно проспал и теперь, вероятно, будет оштрафован или уволен. Сказал, что придется справляться самому и как-то делать репортаж для «Первого» на телефон. Еще просил узнать, реально ли найти в городке профессиональное оборудование, на что Орлов, немного подумав, ответил, что можно попробовать договориться об аренде с местной телестудией. Владимир настаивал: надо обязательно попробовать договориться, он надеется, что Павел, как пиар-специалист, понимает значимость этого репортажа и приложит все усилия. Орлов неопределенно промычал что-то между «да» и «нет», после чего Торшин отключился.

С таким он сталкивался регулярно – в любом пресс-туре непременно находился опоздавший или не приехавший. Почему нельзя выйти из дома заранее – решительно непонятно. Орлов допил пиво и взглянул на часы – пора идти к гейту. На входе стояла короткая очередь, Михаил Борисович в первых рядах. Посадка заняла минут пять. Паша всех проводил и остался ждать Торшина у «рукава» со скучающей сотрудницей аэропорта, крутившей вокруг пальца бейдж на ленте. За минуту до закрытия гейта Владимир, весь красный от гонки, хромяя и яростно стуча тростью, подковылял к стойке регистрации, таща за собой чемодан.

* * *

Самолет оказался совсем пустой – почти каждому досталось по три кресла, на которых можно было поспать. Павел понял, что с попытками забронировать первый класс можно было вообще не заморачиваться и сохранить кучу нервов и времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.